

У ИСТОКОВ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ

*Отчет митрополита Платона (Рождественского)
о созыве Всеукраинского церковного собора*

Опьянение свободой после Февральской революции отразилось и на церковной жизни. Весной-летом 1917 года во всех епархиях прошли съезды духовенства и мирян, участники которых предлагали реформировать все, что только возможно. В центре страны епархиальные съезды изгоняли с кафедр непопулярных архиереев и принимали резолюции, касающиеся внутрицерковных проблем, а на окраинах (Финляндия, Грузия, Украина) большой популярностью пользовалась идея церковной независимости от России.

На Украине сторонники церковной автокефалии призывали к созыву Всеукраинского церковного собора, на котором предполагалось провести решение о церковной независимости. Организацией этого собора занимались не церковные власти, которые относились к этой идее негативно, а различные общественные организации. В ноябре 1917 года сторонники церковной автокефалии учредили Всеукраинскую православную церковную раду, которая провозгласила себя временным органом управления Православной церковью на Украине. В результате на Украине возникло своеобразное церковное двоевластие. Каноническим главой был митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), относящийся к идее созыва Всеукраинского собора крайне негативно, а существенную часть административных функций взяла на себя Рада. Председателем Рады стал священник Александр Марычев, а почетным председателем — архиепископ Алексий (Дороднин), недолго до этого изгнанный епархиальным собранием из Владимира-на-Клязьме. Изгнание архиепископа Алексия произошло в результате того же церковно-революционного движения, на гребне которого была создана Всеукраинская рада. Ее, волею случая, и пришлось возглавить архиепископу Алексию. Автокефалистское движение было движением снизу и имело характер скорее бунта, чем планомерного церковного строительства. Наиболее активно идею церковной независимости поддерживали военные из частей, прошедших весной 1917 года «украинизацию» по приказу генерала Л. Г. Корнилова¹.

Рада постоянно ссылалась на опыт Поместного собора Православной российской церкви, который начал работать в Москве 15/28 августа 1917 года, однако, очевидно, не смогла воспользоваться этим опытом. Основной задачей Московского собора было восстановление патриаршества, т. е. создание независимой от государства формы церковного управления. Всеукраинский собор должен был решить совершенно иную проблему — вопрос об автокефалии. Кроме того, подготовка к Всероссийскому поместному собору началась еще в 1905 году. За более чем деся-

¹ Подробнее об этом см. в статье Алексея Миллера в этом номере «ОЗ». — Примеч. ред.

тилетний период были выработаны и обсуждены десятки проектов церковных преобразований, написаны сотни книг и статей. Поэтому в распоряжении Московского собора было множество подготовленных и систематизированных черновых материалов и проектов, позволяющих быстро перейти к конструктивной работе. Всеукраинский собор не имел столь продолжительного подготовительного периода, поэтому нормально организовать работу было практически невозможно. Об организационной неразберихе, сопутствующей подготовке Собора, писали практически все противники украинской автокефалии. В конце 1917 года газета «Киевлянин» писала: «По неизвестно какому положению Собор составляется так: “Каждый уезд должен посыпать священника, псаломщика и трех мирян, монастыри и духовно-учебные заведения — по одному представителю, каждый войсковой корпус — по одному, каждый войсковой округ — 4”. Большое число от войсковых организаций невольно вызывает вопрос: какой это будет собор — войсковой или церковный»². В начале декабря 1917 года Церковная рада приняла решение о том, что Всеукраинский церковный собор будет открыт 28 декабря 1917 года.

№ 1
2007

Центральная церковная власть относилась к происходящим в Киеве событиям безо всякого энтузиазма. Московский собор считал нормальным некоторую децентрализацию церковного управления и предоставление церквям отдельных регионов относительной самостоятельности. В связи с этим было подготовлено определение «О церковных округах», предполагавшее передачу на места многих административных и судебных функций, созыв областных соборов и широкое участие священников и мирян в решении местных церковных проблем³. Однако о даровании автокефалии епархиям в рамках отдельных регионов бывшей империи речь не шла. А согласно церковным канонам, автокефалию нельзя получить по инициативе снизу: для этого необходимо решение или Вселенского патриарха, или той поместной церкви, независимости от которой требуют сторонники автокефалии.

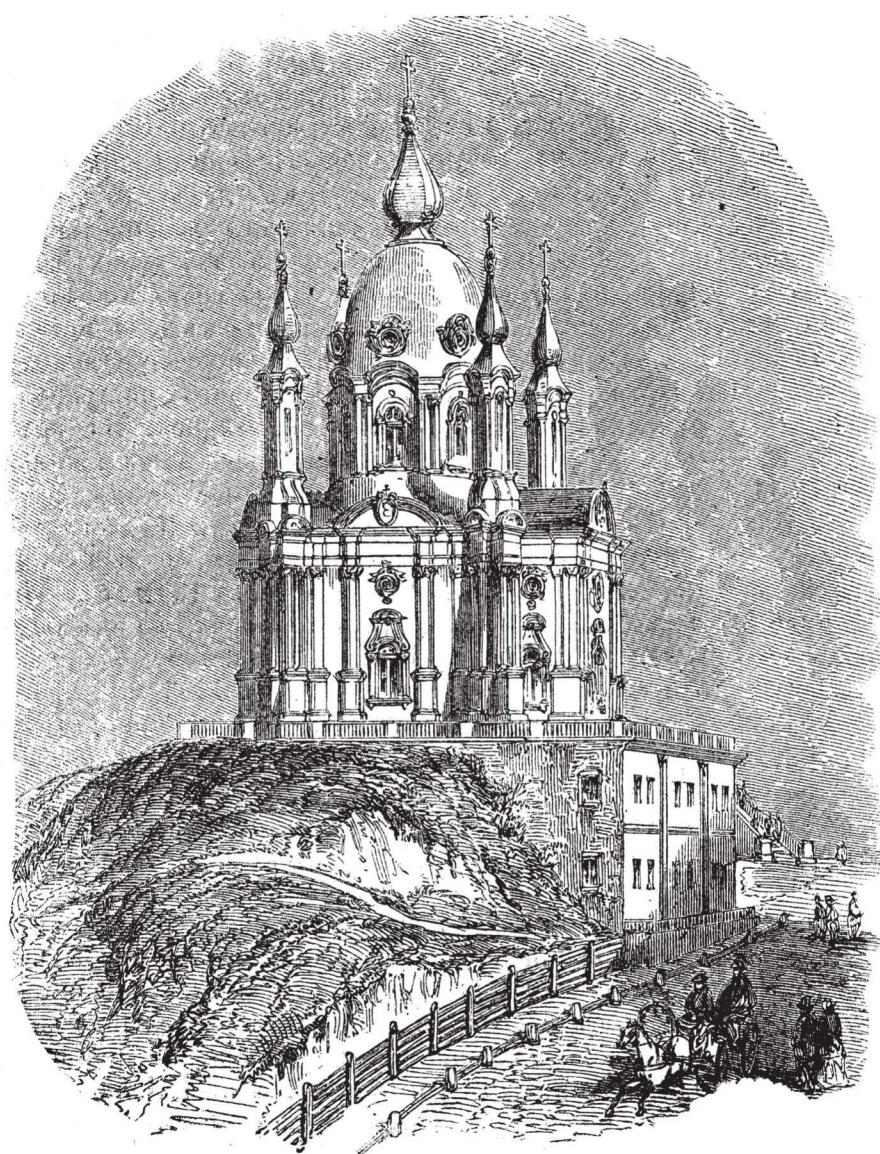
Центральная церковная власть не хотела, да и не имела возможности пользоваться силовыми методами, поэтому было решено взять инициативу созыва Всеукраинского собора в свои руки. Для этого в Киев была направлена делегация, которую возглавил владевший украинским языком митрополит Платон (Рождественский). Его задачей было, с одной стороны, удалить архиепископа Алексия (Дородница), фигура которого придавала Раде видимость легитимности, а с другой — открыть Всеукраинский собор и не допустить принятия решений об автокефалии. Миссию митрополита Платона в целом можно считать успешной. В качестве представителя патриарха Тихона митрополит Платон открыл Всеукраинский собор, избравший Киевским митрополитом не склонного к отделению от Москвы Антония (Храповицкого). Решение об автокефалии не было принято ни на первой, ни на двух последующих сессиях, зато в конце третьей сессии (ноябрь 1918 года) была принята декларация о сохранении канонического единства с Патриаршней церковью.

Здесь мы публикуем⁴ отчет митрополита Платона (Рождественского) перед членами Московского собора о его поездке в Киев, который он сделал 12/25 марта

² Украинский церковный собор // Киевлянин. 1917. № 286. 31 декабря.

³ См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. М., 1918. С. 14; Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 г. Обзор деяний. Третья сессия / Сост. А. Г. Кравецкий, Понтер Шульц. М., 2000. С. 351–355, 358–361.

⁴ Публикатор пользуется случаем поблагодарить Надежду Калужину за помощь в подготовке украинских фрагментов доклада.

№ I
2007

та 1918 года. Этот отчет сохранился в составе стенограммы 102-го заседания Поместного собора. Начавшееся в 1918 году издание соборных деяний не было завершено, и подготовленная к печати стенограмма осталась неопубликованной. Правда, в 1999 году эта стенограмма была напечатана⁵, но не по подготовленной и авторизованной машинописи, а по хранящейся в ГАРФ⁶ черновой рукописи, имеющей ряд пропусков. Здесь мы печатаем выступление митрополита Платона полностью по подготовленной к печати машинописи, хранящейся в Российском государственном историческом архиве. Текст печатается с сохранением особенностей оригинала. Исправляются лишь явные опечатки. При передаче украинских цитат⁷ мы не используем отсутствующие в оригиналe буквы ё и є, тем более что в незаконченном издании стенограмм собора эти буквы также не использовались⁸.

№ I
2007

Из стенограммы № 102 заседания Поместного собора Православной Российской Церкви от 12/25 марта 1918 г.⁹

Ваше Святейшество, богоумдрые архиастыри, отцы и братие. Ввиду того что об Украинском соборе было сделано уже два доклада на двух частных собраниях членов Собора и один доклад на пленарном заседании, я позволю себе доложить вашему вниманию только краткие сведения о том, что я видел и слышал в Киеве за время, предшествовавшее открытию Украинского собора, и во время самой деятельности Собора и в чем принимал участие.

12 декабря 1917 года я получил указ Св. Синода, которым поручено мне быть представителем Святейшего Патриарха на Украинском соборе, принять участие в его созыве, содействовать устроению Украинской церкви и предложить преосвященному Алексию Дородничу¹⁰ выехать из Киева в Москву.

Получив указ Св. Синода, того же 12 декабря я выехал на Воронеж, ибо 11 декабря я взял билет на Кавказ и решил использовать его, хотя бы расстоянием до Воронежа для поездки в Киев. В Воронеже я нашел на один день приют у добреяшего старца — архиепископа Тихона¹¹, служил молебен у раки Святителя Воронежского Митрофана, вознеся молитвы о здравии Святейшего Патриарха и Чле-

⁵ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 г. Т. 8. Деяния 102–117. М., 1999. С. 20–31.

⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 103.

⁷ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. № 10. Л. 241–264.

⁸ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 5. Петроград, 1918. С. 396.

⁹ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. № 10. Л. 241–264.

¹⁰ В воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского) содержится весьма колоритная характеристика еп. Алексия (Дороднича, 1859–1919) и его роли в событиях конца 1917 — начала 1918 года: «После революции паства из Владимира его прогнала за его дружественные отношения с Распутиным: он поднес Распутину книгу с надписью “Дорогому мудрому старцу”. Изгнанный из епархии Дородничин (украинец из Екатеринославля) перекочевал в Киев “ловить рыбу в мутной воде” — и поселился в Лавре. Он обладал прекрасным голосом, был отличным регентом. Внешне он был безобразен: тучность его была столь непомерна, что он не мог дослужить Литургии, не переменив облачения перед “Херувимской”, так как он изнемогал от жары. Аппетит его всех поражал, а когда его мучила жаждка, он мог выпить чуть ли не ведро воды... Устроившись в Лавре, архиепископ Алексий стал мутить монахов-украинцев и возбуждать их против митрополита Владимира в надежде добиться его увольнения и самому сесть на его место» (Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 283–284). После убийства митрополита Владимира был запрещен в священнослужении. Скончался в 1919 году в Новороссийске, незадолго до этого принес покаяние. Митрополит Евлогий (Георгиевский) его отпевал.

¹¹ Архиепископ Воронежский Тихон (Никаноров) (1855–1919).

нов Собора. В ночь на 17 декабря прибыл я в Киев. Путь мой прошел в высшей степени удовлетворительно, если иметь в виду вообще нынешние условия путешествия. 17 декабря владыка Митрополит Владимир¹² служил литургию в Софийском соборе, а в великой лаврской церкви служил преосвященный Евлогий. В час дня представился Митрополиту Владимиру, обедал у него, там же от преосвященного Евлогия получил некоторые сведения по вопросу об отношении епископата к Церковной раде. Ничего больше за этот день я не сделал. Принимал визитеров и узнавал новости по интересовавшим меня вопросам, но нового сравнительно с тем <что> было известно по первой поездке в Киев, ничего не произошло. Церковная рада по-прежнему действовала решительно и энергично, и несогласные с нею только разводили руками.

Утром я пригласил к себе двух членов и секретаря консистории¹³ и поручил им объявить преосвященному архиепископу Алексию указ Св. Синода о выезде его в Москву. Увидя на их лицах смущение, я решил сам лично исполнить это дело. В отсутствие преосвященных Евлогия и Пахомия¹⁴ я отправился часов в 11 утра к преосвященному Алексию. На наш звонок дверь открыл келейник Владыки, и мы через открытую дверь увидали преосвященного Алексия, мановением руки приглашающего меня войти в комнату и обратным мановением запрещающего вход к нему моим спутникам. Обращаясь ко мне, он сказал: «Пожалуйте, владыко, а вы, — бросил он моим спутникам, — можете не входить ко мне, я вас не просил». Я сказал, что без моих спутников я не буду вести беседы с ним, и мы все трое вошли. Преосвященный Алексий <поздоровался>¹⁵ со мною, кое-как поздоровался с владыкой Евлогием, а преосвященному Пахомию сказал: «Я с Вами не буду говорить, ибо вы неканоничны»¹⁶. Тут завязалась между ними долгая и жаркая беседа. В это время я ходил по комнате, наблюдая за их настроением, и когда, наконец, острота спора прошла и они начали беседовать более мирно, я увидел, что можно приступить к делу, и сказал преосвященному Алексию, что на основании указа Св. Синода он должен немедленно отправиться в Москву к Святейшему Патриарху Тихону. На это он ответил: «Я поеду тогда, когда получу от патриарха телеграмму». — «Но вам послана телеграмма, — возразил я, — я видел, как она подписывалась Его Святейшеством». — «Я не получал», — сказал он. На это я заметил, что верю ему, так как, может быть, при нынешних почтовых неуряди-

¹² Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) (1848–1918) был переведен в Киев после того, как в 1915 году, будучи Петроградским митрополитом, высказал Николаю II свой протест против вмешательства Распутина в церковную жизнь. В Киеве митрополит Владимир был последовательным противником не только украинской автокефалии, но и созыва Всеукраинского собора. Церковная рада оформилась во время отъездов митрополита в Москву на Предсоборное присутствие, а затем на Собор. Сторонники автокефалии требовали не допустить возвращения митрополита Владимира в Киев, однако противники отделения отправили в Москву делегацию, которая просила митрополита вернуться в Киев. Несмотря на противодействие Рады, митрополит Владимир был избран почетным председателем Собора и участвовал в его заседаниях. После того как в Киев вошли красные, 25 января (7 февраля) 1918 года группа солдат арестовала митрополита Владимира и расстреляла его. В 1992 году митрополит Владимир был канонизирован.

¹³ Подчиняющийся архиерею вспомогательный орган епархиального управления.

¹⁴ Будучи украинскими архиереями, архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) (1868–1946) и епископ Черниговский и Нежинский Пахомий (Кедров) (1876–1937) были последовательными противниками автокефалистского движения.

¹⁵ В источнике «повидался».

¹⁶ По всей видимости, еп. Алексий имеет в виду решение съезда духовенства и мирян Черниговской епархии об удалении епископа Пахомия с кафедры (Ульяновский В. Церква в Українській державі 1917–1920. Київ, 1997. С. 92–93).

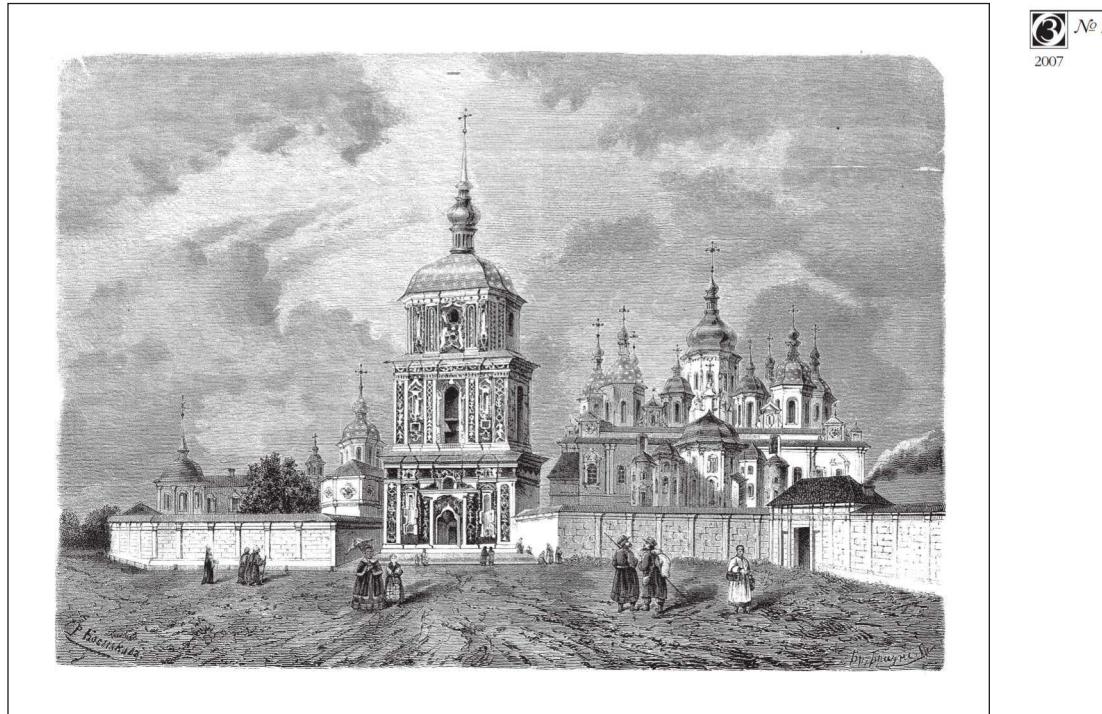
цах телеграмма не дошла еще, но тем не менее телеграмма послана, и скоро он ее получит. Что она послана, это видно и из этого указа Св. Синода. Преосвященный Алексий берет в руки указ, читает и говорит: «Этот путь к желанным вам результатам не приведет. Я не боюсь никаких угроз». На это я заметил: «Никто Вам не угрожает, так как ни я и никто другой никаких личных целей не преследует и никаких особых результатов не желает. Но так как я должен исполнить данное мне поручение, то и прошу дать мне прямой ответ: едете ли вы в Москву или нет». «Я поеду в Москву, — ответил он, — когда получу телеграмму». На этом мы расстались. На другой день я спроводил, получил ли он телеграмму. Оказалось — получил. Потом он письмом просил дать ему денег на дорогу. Я дал ему 350 рублей. На следующий день получаю от него другое письмо, в котором он сообщал, что он сам ездил на вокзал, но не достал билета и что ему на вокзале сказали, что до 30 января все билеты разобраны. В этом письме преосвященный Алексий просил у меня еще 150 р. Украинский собор должен был, согласно распоряжениям Церковной рады, открыться 28 декабря, и циркулировали по городу слухи, что на первом же заседании Собора будет объявлена автокефалия Украинской Церкви. В этом событии отводилось большое место архиепископу Алексию.

Вместо того чтобы дать архиепископу Алексию 150 рублей, я распорядился купить для него и его келейника два билета до Москвы в международном вагоне, заплатив за них 129 руб., и послал ему, выразив надежду, что он воспользуется готовыми билетами в международном вагоне и выедет из Киева вечером 25 декабря. Через день во время всенощной я получил пакет от преосвященного Алексия. Возвращаясь после всенощной домой — в это время я жил у эконома митрополичьего дома, — я увидел, что у дверей дома стоят священник Маринич¹⁷ и какое-то светское лицо. Они попросили меня принять их и сообщили мне, что преосвященный Алексий серьезно заболел, что врачи нашли у него сердце не в порядке и сильное нервное расстройство, к тому же его одолевает и сильная зубная боль. Вскрывая поданный мне в Церкви пакет и вынимая медицинское удостоверение, подтверждающее сказанное мне моими собеседниками. На следующий день я созвал всех бывших в Киеве епископов в Михайловский монастырь и доложил об этом собранию их. Решено было предоставить это дело пока естественному его ходу. И вот стали видеть преосвященного Алексия ездившим на извозчике, слышать, что он принимает визитеров, бывает в епархиальном женском училище, где жили члены Собора. На новом собрании епископата было доложено об этом и решено исполнить постановление Св. Синода и запретить преосвященному Алексию в священнослужении. Свидетельствую здесь пред Священным собором, что ни я, ни члены епископского совещания решительно ничего личного не имели против преосвященного Алексия, наоборот, я готов был не знаю что сделать, чтобы убедить его подчиниться и исполнить желание Патриарха и Синода и тем прекратить этот великий соблазн, и чтобы избегнуть и лично ему угрожающей опасности. Я свидетельствую здесь, что никто ему — преосвященному Алексию — зла не желал и не мыслил, и я страдал, невыносимо страдал от того, что онставил вопрос на личную почву и видел во мне лично к нему враждебно настроенного человека. Это была его глубокая ошибка и заблуждение. Я умолял Соборный совет и Священный синод избавить меня от этой миссии, но миссия эта была дана мне, и я должен был выполнить ее. Должен сказать, что все епископы в Киеве были единодушны и единомысленны в этом деле. Чтобы не дать возмож-

---

¹⁷ Член Всеукраинской церковной рады.

ности упрекать меня в проявлениях какого-либо пристрастия, я составил по этому делу акт, под которым подписались все епископы. Ожидали приезда митрополита Харьковского Антония. По приезде его (4 января 1918 г.) снова собирались в Михайловском монастыре и подтвердили прежнее постановление о том, что необходимо запретить преосвященному Алексию священнослужение. Акт был подписан и владыкой Антонием и был послан через члена и секретаря консистории преосвященному Алексию. Но он акта не принял. Возник вопрос, как вручить ему этот акт. Послали ему его заказным письмом и телеграммою. Но тут получилось неожиданное обстоятельство. Когда подавали телеграмму, *<то>*¹⁸ содержание ее стало известно всем тем, кому это желательно было знать. Ко мне явился

№ 1
2007

комиссар священник Пащевский и начал просить меня: «Во имя Бога уничтожьте акт, бо дуже велика ганьба буде для церковної ради»¹⁹. Я ответил ему, что от самого владыки Алексия зависит не допустить этой «ганьбы». Ему предъявлено определенное требование поехать в Москву к Патриарху. Если он уедет из Киева, тем самым акт уничтожится. Преосвященный Алексий уехал из Киева числа 24–25 января. По распространившимся в городе слухам, преосвященный Алексий ехал из Киева до Фастова верхом на лошади. Живет он теперь в Луганске, Екатеринославской губернии. Вот все, что я мог сказать вам касательно выполнения данного мне поручения по делу владыки Алексия. С этого священного места я снова свидетельствую перед Собором, что никакого личного пристрастия, тем более никаких враждебных чувств я не питал и не пытаю к преосвященному Алексию. Если бы он выразил согласие поехать в Москву и явился к Святейшему Патриарху, то все пошло бы по-старому. Убеждая Владыку согласиться на это, я говорил ему, что в виде компенсации он получит монастырь, что Святейший

¹⁸ В источнике «что».

¹⁹ «Бога ради уничтожьте акт, поскольку это будет позор для церковной рады» (укр.).

Патриарх примет его с ласкою и что все устроится по-хорошему. Но преосвященный Алексий сетовал на несправедливость по отношению к нему, на причиненные ему обиды, уверял, что он не порывал связи с Российской церковью, объявив Церковную раду. Но образ действий его в Киеве не говорил об этом его добром настроении; если бы это было так, то он должен был бы поступать совсем иначе. Но я надеюсь, Бог даст, преосвященный Алексий подчинится воле Святейшего Патриарха и на деле проявит к нему свои сыновние чувства. Дай Бог!

После посещения преосвященного Алексия я с владыкой митрополитом Киевским отправился в консисторию, где в 1 час дня было назначено соединенное заседание всего наличного в Киеве епископата и членов консистории для решения вопросов, имевших отношение к созыву Украинского собора, и для выяснения множества других вопросов, вызываемых требованиями открытия Собора именно в Киеве. В начале 2-го часа открылось заседание под председательством митрополита Владимира; были преосвященные Евлогий, Пахомий, я и киевские викарии. Минут через пять в заседание является комиссар священник Пащевский, берет благословение у владыки Владимира и спрашивает: «Що се за собраніе? Чому мене не пригласили? И чи можно мені бути присутнім тут?»²⁰ Владыка Владимир смотрит на меня. Я спросил комиссара: «А Вы получили приглашение?» Он ответил: «Нет». «Ну, значит, — сказал я, — вы сейчас не нужны, а когда понадобится, тогда вас позовут». Раскланявшись, этот священник вышел. Минут через 10 буквально бурей врывается в зал полковник Сивчинский. Не приняв ни от кого благословения, он бьет по столу кулаком и кричит: «Що се за собраніе? Чи мають бути тепер таємні собранія? Тепер мусить бути все отверто. А то скаже војцтво, що митрополити збираються на потаєнні (конспиративные) собрания. Козацтво волнується, і я должен заспокоїти його»²¹. Я спрашиваю полковника: «Кто вы? Кто дал вам право врываться в собрание епископов, кто дал вам право обвинять митрополитов, что они занимаются конспирацией, оскорблять нашего отца — митрополита? О всем, что вы сказали и сделали здесь, мы составим протокол и отправим в суд». После того Сивчинский сразу сбавил тон и спрашивает: «Хіба то ваш батько?»²² Он в самом деле подумал, что владыка Владимир — мой отец, и продолжал: «Тож благословіте!» Получил благословение и с словами: «выйдите, я вже піду»²³, удалился. Об этом я говорю, чтобы показать, какая тяжелая атмосфера окружала бедного страдальца митрополита Владимира. Только что ушел полковник, как минут через пять является в наше собрание другой офицер с криком: «Вы, попы, деретесь, а у нас чубы болят. В консистории назначено на сегодня судоговорение. Я явился на судоговорение по вызову консистории, вы сидите здесь, а оно не начинается. Если не начнется сейчас судоговорение, я пущу в ход такое, что заставит вас начать его». Я попросил преосвященного Евлогия пойти и как-нибудь уладить это дело; он отправился. Провел там около часу. Из-за дверей оттуда слышался шум. Возвратился владыка Евлогий с выражением полной безнадежности на лице. Тогда я обратился к секретарю консистории со словами: «Если сейчас не начнется судоговорение, то вы немедленно будете уволены». Это оказало магическое действие. Секретарь вышел и сказал чиновникам, что

²⁰ «Что это за собрание? Почему меня не пригласили? И можно ли мне здесь присутствовать?» (укр.)

²¹ «Что тут за собрание? Разве теперь могут быть тайные собрания? Теперь все должно быть открыто. А то воинство скажет, что митрополиты собираются на конспиративные собрания.

Казачество волнуется, и я должен его успокоить» (укр.).

²² «Разве это ваш отец?» (укр.)

²³ «Извините, я уже ухожу» (укр.).

представитель Святейшего Патриарха обещал уволить всех их, если не начнется сейчас же судоговорение. Чины увидали, что с ними не шутят, и судоговорение началось. Можете судить, какой развал власти царил там и каково было положение бедного убитого владыки Владимира при такой разрухе!

До моего приезда в Киев числа 13–14 января к митрополиту Владимиру являлись члены Украинской рады с требованием, чтобы он оставил Киев как лицо не подходящее для Киева. Старец нашелся только попросить, чтобы это требование было изложено на бумаге. Затем Владыка сам написал акт об этом, подписался вместе с своим секретарем и напечатал в «Киевлянине»²⁴. По всему видно было, что Владыка чувствовал себя не в своей тарелке. В три часа дня с митрополитом Владимиром я поехал в Лавру, пообедал там, а к шести часам мы должны были явиться на заседание Церковной рады. Владыка не отпускал меня. Я сказал ему: «Отдохните». «Нет, — ответил он, — я с вами». Все время Владыка старался не оставаться в одиночестве. То я жил у него, то митрополит Антоний, а потом преосвященный Феодор.

К 6 часам на заседание Рады мы не могли прибыть. «Свободы» отразились и на лаврской конюшне. Вместо шести часов подали лошадей часам к семи, и мы прибыли, когда заседание уже давно началось. Председательствовал преосвященный Евлогий, который с присущим ему уменьем и тактом вел заседание. Но все время с лица его не сходило страдальческое выражение, говорившее о характере переживаемого им настроения. На заседании был и преосвященный Алексий. Нам предложили занять кресла. Шел доклад о «помешканье» — помещении для Собора. Между прочим докладчик свящ. Маричев²⁵ остановился на зале Общества религиозно-нравственного просвещения. Так как я был председателем этого общества и прекрасно знал этот зал, то заметил, что это помещение не подходит для занятий Собора, ибо в нем кроме одного зала нет других комнат. Другие заметили, что для занятий Собора будет предоставлена какая-то гимназия. В то же время священник Пащевский заговорил совсем по другому вопросу — о составе Собора. Словом, в заседании Рады я не увидел на этот раз особого порядка. Пащевский докладывал, что решено пригласить «представників» — представителей от Грузинской церкви²⁶ и от Румынской. Я спросил: «От какой Грузинской церкви?» Он ответил: «Как от какой? Есть же Грузинская церковь, Румынская, Московская». Далее было предложено определить положение на Соборе представителя Патриарха Московского и хотели признать его только «почетным гостем». Естественно, я попросил слова и сказал, что решение их считать меня — представителя Святейшего Патриарха Московского и всея России —

²⁴ Газета «Киевлянин» начала издаваться после польского восстания 1863–1864 годов и преследовала цель постепенной русификации Юго-Западного края. С 1911 года газету редактировал В. В. Шульгин, превративший эту газету в орган Всероссийского национального союза. В первые дни после Февральской революции газета ратовала за сохранение в России монархии. «Киевлянин» был последовательным противником движения, направленного на отделение Украины от России.

²⁵ Военный священник Александр Маричев (род. 1876) был одним из руководителей Церковной рады.

²⁶ Еще в марте 1917 года Грузинская церковь объявила о своей автокефалии. Русская церковь этой автокефалии не признала, и церковное общение между Русской и Грузинской церквями было прервано до 1943 года. Если бы в работе Всеукраинского собора одновременно участвовали представители Грузинской церкви и патриарха Тихона, это бы фактически означало признание грузинской автокефалии. Платон (Рождественский) являлся митрополитом Тифлисским и Бакинским, экзархом Кавказа. Именно ему в начале 1917 года грузинские иерархи заявили, что он лишен всех прав, связанных со званием экзарха Кавказа.

только почетным гостем показывает, что у них уже решен вопрос об автокефалии Украинской церкви. Коль скоро вы считаете меня только гостем, то тем самым создаете разделение между Патриархом и своею Церковью. В это время раздались гудки. Оказалось, это гудели 4–5 дьяконов, которые сидели на задних скамьях. Потом попросил слова Маричев, который сказал, что вопрос об автокефалии решен третьим съездом «вояцства»²⁷ и что все сочувствуют этому. Я сказал, что в таком случае мне нечего делать здесь. Я явился с полномочиями Святейшего Патриарха и Священного собора, чтобы помочь здесь в устроении церковной жизни, но введение автокефалии не входит в мою задачу. Мою речь опять прервали гудки, выражавшие недовольство. Я понял, что мои речи были приняты неблагосклонно. Я попросил сделать перерыв заседания, потом сошел в квартиру секретаря консистории с митрополитом Владимиром, с преосвященными Евлогием и Пахомием и написал следующее заявление: «Ввиду того, что Церковная рада высказалась за автокефалию Украинской церкви и тем подчеркнула неизбежность, по ее мнению, разрыва с Православною русскою церковью, и принимая во внимание намерение Рады пригласить на Церковный собор представителя Грузинской церкви, вопреки протеста епископата, а также наличность признания ею представителя всероссийского Патриарха только гостем на Соборе, а не полноправным членом, митрополит Платон, как представитель Патриарха, не считает для себя возможной совместную работу с Церковною радио. Митрополит Платон, экзарх Кавказский. К сему присоединяюсь Владимир, Митрополит Киевский. Евлогий, архиепископ Волынский. Пахомий, епископ Черниговский и Нежинский».

Эту бумагу я передал через владыку Евлогия в Церковную раду. Долго там обсуждали мое заявление и только на другой день вечером явилась ко мне депутатия в составе представителей Рады секретаря Голика, приват-доцента Швеца и священника Маричева. Они прочитали следующий документ: «Выслушавши пропозіцію по питанням автокефальної Всеукраїнської Православної Церкви, про представництво від Грузінської церкви і представництво від Московського Патріарха і всія Росії, Всеукраїнська Православна Церковна Рада, в своїм окремом узасіданні 18 грудня 1917 р., ПОСТАНОВИЛА:

- 1) Питання про Автокефальність Української Православної Церкви — це бажання і думки, приняті в офіційних постановах з'їздів: селянських, військових, повітових, та інших. На підставі цих постанов зорганізована Тимчасова Всеукраїнська православна Церковна Рада, яка ставить своїм завданням скликати Всеукраїнський Православний Собор. (Наслідок голосування: за — 36, проти — 1. Отсутні Були: Подполковник Цівчинський, д. Пащевський, д. Мазюкович і п.-о. Дурдуковський).
- 2) Рада находить, що до Собору не слід закликати ніяких представників від других Православних Церквів.
- 3) Рада рапчує Митрополита Платона, яко представника від Патріарха і через це визнаватиме його дійсним членом Собору.

Ця постанова була оголошена в пленарнім засідинні і при Епископаті: Арх. Олексі, Арх. Евлогії, Епископі Пахомії і Епископі Димитрії, які цілком задоволились і цим розв'язали деякі недорозуміння.

²⁷ Проходивший осенью 1917 года Третий Всеукраинский военный съезд принял резолюцию о том, что Церковь на независимой Украине должна быть автокефальной, а богослужение должно совершаться на украинском языке. Понятно, что такого рода решения не относились к компетенции военного съезда. Однако участие военнослужащих и военных священников в созыве Всеукраинского собора было очень большим.

№ I
2007

Церковна Рада вибрала комісію в складі: голові президії Ради свящ. Олександра Маричіва, свящ. Миколи Маринича, д. Голіка і д. Швеця, якій доручила довести це до відома Митрополита Платона. До цього УВАГА: «Право признати, чи отклонити автокефалію Української православної Церкви належить тільки Собору, не попереждаться і не попереждалося Радою, але ясно зазначається, як бажання, в постановах Ради. Голова президії ради /подп./ свящ. Ол. Марічев. Писарь Ив. Голик»²⁸.

Прочитавши этот протокол, я спрашиваю: «А как же то постановление, которое было сделано Обществом восстановления украинской церкви, подготовивш^{<им>}²⁹ Церковную раду, разве оно аннулировано?» Они не предполагали, что я знаю об этом постановлении. «Какое постановление?» Я ответил, что мне доподлинно известно, как учреждалось это общество и что оно прилагает все усилия, чтобы провести автокефалию Украинской церкви и чтобы изгнать из Украины «гадюк», которые являются из Московщины. «Ну что ж, — говорят, — что было, то прошло. Что же вы думаете делать?»

Я обещал, что оставлю это без ^{<последствий>}³⁰ и буду продолжать свою работу. Разговор этот происходил за чаем. На другой день я узнал, что в Киеве образовалось крепкое настроение против Рады среди приходских советов и приходского пастырства. И я созвал собрание советов в Михайловском монастыре. Явилась масса народа. Мы с Владыкою Митрополитом прибыли на собрание в 6 часов вечера. Здесь я увидел всю силу любви русских людей к Русской православной церкви и преданности Святейшему Патриарху. И это понятно, ибо жить в атмосфере ненависти и вражды тяжело. Постановлено было отправить телеграмму Патриарху с выражением сыновней преданности. Я послал телеграмму, и на другой день утром она была напечатана в «Киевлянине». В час ночи собрание разошлось. Между прочим вынесена была резолюция — проверить число и правомочность членов Украинского собора от Рады. Если все они пройдут, то такое же число должно быть проведено на Собор от приходских советов и других церковных организаций — не

²⁸ «Выслушав предложение по вопросам Автокефальной Всеукраинской Православной Церкви про делегацию от Грузинской церкви и делегацию от Патриарха Московского и всея России, Всеукраинская православная церковная рада в своем общем заседании 18 декабря 1917 года ПОСТАНОВИЛА:

- 1) Вопрос об автокефалии Украинской православной церкви — это пожелания и суждения, содержащиеся в официальных постановлениях съездов — крестьянских, войсковых, уездных и других. На основании этих постановлений и была создана Временная Всеукраинская православная церковная рада, которая видит свою цель в созыве Всеукраинского православного собора (результаты голосования: за — 36, против — 1, отсутствовали подполковник Цивчинский, д. Пащевский, д. Мазюкович и п.-о. Дурдуковский).
- 2) Рада считает, что на Собор не следует приглашать никаких представителей от других Православных церквей.
- 3) Рада считает митрополита Платона представителем Патриарха и поэтому признает его действительным членом Собора.

Это постановление было оглашено в пленарном заседании в присутствии архиереев — арх. Алексия, арх. Евлогия, епископа Пахомия и епископа Димитрия, которые были вполне удовлетворены и тем разрешили некоторые недоразумения.

Церковная Рада избрала комиссию в составе председателя президиума Рады священника Александра Маричева, священника Миколы Маринича, д. Голика и д. Швеца, которым поручено довести это до сведения митрополита Платона. ВНИМАНИЕ: «Право признать или отклонить автокефалию Украинской православной церкви принадлежит только Собору, не предваряется и не предварялось Радою, но ясно отмечается как пожелание в постановлениях Рады. Председатель Рады <подп.>, свящ Ал. Маричев, писарь Ив. Голик» (укр.).

²⁹ В источнике «подготовившей».

³⁰ В источнике «воздействия».

менее 66. Это глубоко задело Раду. Вечером того же дня состоялось собрание Рады. Я не поспел к началу заседания, ибо у меня были представители приходских советов по деловым соображениям о составе Собора, и явился через полчаса после открытия заседания. Слыши — один из присутствующих, присяжный поверенный, разбирает мою деятельность. Я выразился, что в деятельности Рады оказывается течение не столько церковное, сколько политическое. Слыши — идет речь об этом. «Преосвященный Платон, — говорит оратор, — бывает на собраниях каких-то приходских советов и пастырства. Мы знаем, что это за советы и что это за люди... Он проверяет полномочия членов Рады. Он приглашает членов на Собор, но вояк не приглашает. Он имеет полномочия выгнать из Киева высокопреосвященного Алексия, душу нашей Рады, так много сделавшего для самостийности Украинской церкви».

Я ответил, что никто не может запретить мне ходить, куда я хочу. Приходские советы — почтенные учреждения. Я их уважаю. К воякам я не имею никакого отношения и обращаться к ним я просто не могу. Они меня не послушают. Что касается преосвященного Алексия, то тут черным по белому написано: он должен уехать из Киева и получил уже указ. Сейчас я пойду домой и напишу на бумаге вам объяснение, а вы тут занимайтесь пока своим делом. Я вышел и написал следующее объяснение:

В УКРАИНСКУЮ ЦЕРКОВНУЮ РАДУ

Я уполномочен СВЯЩЕННЫМ ПОМЕСТНЫМ СОБОРОМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ через его Совет и Святейшим синодом, возглавляемым Святейшим Патриархом Московским и всея России Тихоном, быть представителем Святейшего Патриарха на предстоящем Украинском областном церковном соборе и принять участие в подготовительных мероприятиях по созыву этого Собора, имеющего быть созванным на канонических основаниях.

Необходимыми каноническими условиями созыва и действования Украинского церковного собора я признаю следующие: а) созыв и возглавление Собора епископатом Украинских епархий, б) избрание председателя Собора из среды епископов, в) предоставление епископам на предстоящем Украинском соборе тех прав, коими они пользуются на Всероссийском церковном соборе³¹, г) участие на Соборе клириков и мирян украинских епархий, свободно избранных на тех же приблизительно условиях, на каких избирались члены Всероссийского Церковного собора.

Работу Киевской украинской церковной рады в созыве и действиях Собора я мыслю при непременном а) допущении к участию в созыве и действиях Собора и членов от союза Киевских пастырей³², от киевских приходских советов и от других существующих в Киеве и других городах Украины церковных организаций, в равном числе и на одинаковых с Церковною украинскою радиою правах, согласно заявленному киевскими церковными организациями в печати желанию в этом смысле, б) удовлетворении всех членов Рады каноническим требованиям, предъявленным ко всем членам Собора, особенно ввиду появившегося в местной печати («Киевлянин» за 21 декабря 1917 г. № 280) со-

³¹ На Московском соборе все решения, принятые на пленарном заседании, приобретали статус соборного решения только после того, как их утверждало Совещание епископов — общее собрание всех присутствующих на Соборе архиереев.

³² Организация, выступавшая против автокефалии.

общения о том, что «в числе 66-ти членов Церковной рады, неизвестно кем и как избранных, находятся лица, которые по каноническим правилам не могут быть членами Церковного собора» и в) с обязательным предварительным рассмотрением в полном подготовительном учреждении программы занятий Собора, если таковая программа уже имеется.

Ввиду скорого наступления срока, назначенного для созыва Украинского церковного собора (28 декабря), а также ввиду неподготовленности самого необходимого для Собора, включительно до отсутствия средств для него и, кажется, помещения, что, по моему глубокому убеждению, может весьма печально отразиться на деятельности Собора, предлагаю наисерьезнейше обсудить вопрос о времени и условиях открытия Собора.

Не могу не сказать и на этот раз об автокефалии Украинской церкви.

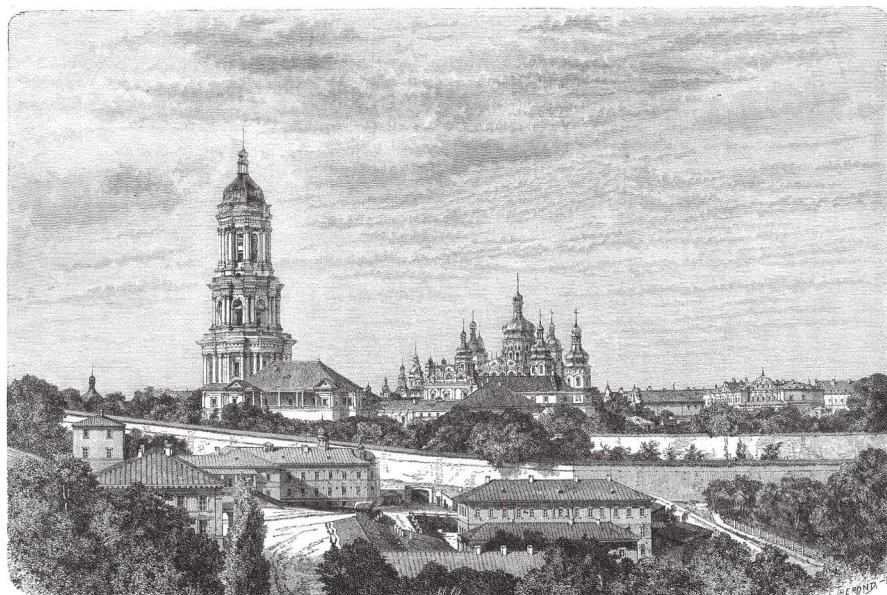
До меня дошел слух о том, что Церковная рада отменяет определения Святейшего всероссийского синода (Екатеринославск<ая> и Одесская консистории). Я был бы рад, если бы этот слух фактически не оправдался, но если он говорит о действительно бывшем, тогда данное мне членами Рады заверение о том, что она ведает только делом созыва Собора, является нарушенным, и такие распоряжения Рады, равно как и распоряжения о скитийных, напр., возглашениях, где не имеется имени нашего Патриарха³³, является актом открытого до Собора разрыва с нашею Русскою церковью. А между тем автокефалии Украинской церкви я не уполномочен признавать и не могу признать по следующим основаниям: а) каноническом, ибо Украинская церковь не имеет авторитета апостольского основания ее, что давало бы ей бесспорное право на автокефалию, б) историческом, ибо Украинская церковь никогда не пользовалась правами автокефалии, в) юридическом, ибо для признания юридического права за Украинскую церковь на автокефалию безусловно необходимо предварительно выполнение многих важных требований церковного законодательства, в том числе особенно необходимо, по условиям переживаемого момента, свободное волеизъявление всего православного населения украинских епархий по данному важнейшему вопросу, тем более, что в печати («Киевлянин» за 21 декаб<ря> 1917 года № 280) уже и сейчас заявляются решительные протесты духовенства и мирян даже такой бесспорно украинской епархии, как Киевская, против допущения автокефалии Украинской церкви, по моему убеждению, может вызвать, и несомненно вызовет, церковную смуту и даже величайшую схизму, или раскол, ответственность за что перед Богом, Вселенскою православною церковью и перед всем русским православным народом должна пасть и падет всецело на сознательных виновников объявления автокефалии Украинской церкви.

Но я совершенно высказываюсь за предоставление Украинской церкви прав полной автономии с самым широким внутренним самоуправлением применительно к местным условиям края. При автономии соблюдаются мир и любовь, будет единение, а не разъединение, от которого да спасет нашу Святую церковь и нас ее чад Господь Бог.

(Подп<ись>) Митрополит Платон, Экзарх Кавказский.
22 дек<абря> 1917
Киев.

³³ См. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 5. Петроград, 1918. С. 400.

Окончив эту работу, я отправился в Раду, а копию послал в «Киевлянин», где она и появилась на следующий день. Рада разбирала мое объяснение до 4 часов утра. Мои отношения с Радой испортились, и в одной киевской газете появилась статья, обливающая меня грязью. Автор статьи — Масюкович — член Рады. Он картино изображал, как я хотел бы распоряжаться Радою по-московски: «направо, налево, стройся» и что я, вообще, человек политически неблагонадежный. По убеждению многих Масюкович — униат. Его прочили в украинские обер-прокуроры. По этому случаю одна дьяконица на собрании заметила: «У нас всі горобці зацвіркають — униат и вдруг обер-прокурор»³⁴. И вот он член Церковной рады. Положение мое осложнилось еще одним обстоятельством, о котором говорить не бу-

№ 1
2007

ду: и времени мало и желания мало. Скажу только, что меня хотели удалить из Киева путем влияния на Патриарха. Епископы все объединились и пребывали в единодушии, любви и расположении к Украинскому собору, ибо все желали, чтобы Собор был и принес пользу Церкви, но, по обстоятельствам времени, не были в этом уверены, что и выразил владыка митрополит Владимир, сказавши, что Собор не состоится. Между тем до приезда митрополита Антония епископы составили акт, в котором выражали мысль, что отношение Рады к Святейшему Патриарху определит наше отношение к Украинскому собору. Это собственно мысль об автокефалии, но выраженная другими словами и с другой стороны. Мы употребили все усилия, чтобы кооптировать в Церковную раду людей образованных и работоспособных. И вот члены Рады стали говорить иначе, чем прежде. Одни стояли за автокефалию, но выражались мягче. «Ах, владыка, — сказал мне один из таких, — оставьте это слово». «Чем же его заменить?» — спросил я. «Это после сообразим». Другие стали говорить уже не об автокефалии, а об автономии Украинской церкви, и та же дьяконица на собрании высказалась: «Вот кооптованные портят все дело».

³⁴ «У нас каждый воробей будет чирикать — униат и вдруг обер-прокурор» (укр.).

28 декабря Собор не собрался. Приехало не более 70 человек. Отложили открытие его до 2 января. Я разослал приглашение на Собор, выпустив слова «прихильных до Украины»³⁵. Еще 26 декабря я выступил в Софийском соборе с проповедью на тему: «Се, что есть добро и что красно, но еже жити нам, братие, вкупе» (Пс. 132, 1)³⁶. Слушатели с добрым вниманием и сочувствием отнеслись к моему призыву. Я видел слезы на глазах многих из них. Все исстрадались, все измучились и видели спасение в согласии и единстве, а не в разделении и раздоре, и открыто выражали недовольство теми, которые якобы заботились о благе Церкви, а довели ее до такого состояния. Вот случай 6 декабря. Архиепископ Алексий в Софийском соборе служил литургию и когда после молебства на площади шел обратно в собор, женщины чуть не избили его: плевали, кричали, грозили зонтами, а он шел и архиастырски благословлял их. Но, конечно, это не говорит о том, что он не имеет сторонников и что «стремление к автокефалии лишено всякой почвы». Это вопрос острый и опасный. А за стенами собора, в то время, как я служил в нем, шел митинг, где слез не было, но раздавались речи по моему адресу.

№ 1
2007

В день Нового года состоялось заседание по вопросу об открытии Собора. И вот, не знаю почему, меня стали просить быть председателем собрания. Я отказывался: «Прошу избавить... Между мною и Радою нет связи. Я буду глядеть в одну сторону, Рада в другую. Изберите другого, более удобного, а я буду наблюдать, что делается». — «Что же, вы хотите быть в роли обер-прокурора». — «Да, хотя бы и в роли обер-прокурора», — ответил я. Продолжали раздаваться голоса «просим, просим». Я выразил согласие тем, что взял в руки звонок и открыл заседание. Стали обсуждать вопрос: можно ли завтра — 2 января — открыть Собор. «Конечно нельзя», — заявил я, — кворума нет». Поднялся шум. Один воин стал обвинять меня в том, что не хочу Собора. С резкою речью против него выступил какой-то офицер. Экспансивность южан сказывалась во всем. Приходилось не всякое лыко ставить в строку. Большинство высказывалось за открытие Собора. Я попросил слова и рассказал, как состоялось открытие Собора в Москве. Кто видел эту массу хоругвей и святых икон, этот сонм шествующих попарно святителей, тот не забудет этого до конца жизни, а у вас в Киеве, говорил я, может получиться один конфуз, но большинство однако стояло за открытие Собора. «А где же кворум?» Секретарь Рады заявил, что если мы не откроем завтра Собора, явится войско и курени, и откроют Собор без епископата. Я пригласил епископов в особую комнату, и там мы составили «положение» относительно открытия Собора 2 января следующего содержания:

«Ввиду того, что епископов приехало только два, что членов должно быть на Соборе около 900, а явилось пока только, как говорят, 140, — что четыре епархии совсем не имеют представителей (Харьковская, Новгород-Северская, Таврическая, Херсонская), а от Волынской явилось три, что епископат не рассматривал и не обсуждал в наказе того, что относится к его правам на участие его на Соборе, — епископат находит невозможным открытие Собора завтра. Если нельзя отменить военного парада завтра, то совершиТЬ на Софийской площади моление митрополитом Киевским с другими епископами».

Возвращаемся из комнаты в залу заседания. Ко мне подходит священник Маричев и говорит: «Я проголосовал, и оказалось, что большинство за открытие Со-

³⁵ «благорасположенных к Украине» (укр.)

³⁶ Неточная цитата. Точный церковнославянский текст: «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе»; в Синодальном русском переводе: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»

бора». Я заявил, что голосование это не имеет никакого значения. На другой день в Софийском соборе литургию совершал епископ Балтский³⁷ Пимен и после литургии молебствие на Софийской площади служил владыка митрополит. Я в служении не участвовал и послал узнать: есть ли войска на площади. Оказалось нет. В час дня тоже. Я спросил посланного: «А курени?» «Какие курени. Ничего там нет. Стоит один аналой на площади». Я видел из окна, как прошел крестный ход на Софийскую площадь. Прошло духовенство, и во главе его старец — митрополит, народу человек 50, и ни одного солдата. Совершили молебствие, и все епископы собрались у меня. Я видел митрополита убитым: он был взволнован и расстроен. «Что же это такое? Это издевательство», — повторял он. Впоследствии выяснилось, что один из членов Рады воздействовал на войска, и они отказались от участия в параде. Это был выпад против епископата. Я просил, чтобы произведено было расследование этого инцидента. Расследование это как будто бы было, но о результатах мне ничего не известно. Называли впрочем определенно одного священника³⁸. <...>³⁹

Когда епископы еще были у меня, я получил пакет, вскрыл его, читая и глазам не верю. Передаю бумагу епископу Димитрию, и он прочитал вслух следующее:

«Высокопреосвященному Платону. Київ. Лавра.

До Генерального Секретарства Внутрішніх Справ надходять як од церковних, так і від громадських кол відомості, що діяльність Ваша в характері посла Московського Патріарха спричиняє всіляки непорозуміння, які можуть відбитись шкідливими наслідками на громадському житті України, Генеральне секретарство Внутрішніх Справ, яко влада керуюча внутрішнім життям Української Народної Республіки стоїть на сьому, що діяльність і скремих осіб і цілих інституцій на території України підлягає без винятку державній зверхності України. З огляду на се Секретарство Внутрішніх Справ примушено звернутися до Вас з прохання мати на увазі, щоб виконуванне Вами обов'язків посла Московського Патріарха не порушувало нормального ходу державного життя на території Української Народної Республіки.

30 Грудня 1917 р. № 6787. За генерального Секретаря Внутрішніх Справ Товарищ Генерального секретаря Абрамович. В[<]иконуючий[>] О[<]бов'язки[>] Директора Справ Конфесійних (подп.)»⁴⁰.

³⁷ Епархия с центром в Каменец-Подольском.

³⁸ Участие войск в торжествах, посвященных открытию Собора, обещал митрополиту Владимиру фактический глава Рады священник Александр Маричев. Можно предположить, что митрополит Платон имеет в виду его (Ульяновский В. Указ. соч. С. 159).

³⁹ Рассказ митрополита Платона был ненадолго прерван появлением в зале заседаний вышедшего из тюрьмы епископа Нестора Камчатского.

⁴⁰ «В Генеральный секретариат внутренних дел и в Министерство внутренних дел как из церковных, так и из государственных кругов поступают сообщения, что деятельность Ваша в качестве посла Московского патриарха служит причиной различных недоразумений, которые могут иметь пагубные последствия для общественной жизни Украины; Генеральный секретариат внутренних дел как власть, ведающая внутренней жизнью Украинской Народной Республики, исходит из того, что деятельность отдельных личностей и целых институций на территории Украины должна без исключений подчиняться государственной власти Украины. Исходя из этого, Секретариат внутренних дел вынужден обратиться к Вам с просьбой иметь в виду, что выполнение Вами обязанностей посла Московского Патриарха не должно нарушать нормального хода государственной жизни на территории Украинской Народной Республики.

30 декабря 1917 г. № 6787. За Генерального секретаря внутренних дел Товарищ генерального секретаря Абрамович, И[<]сполняющий[>] О[<]бязанности[>] Директора религиозных дел (подпись) (укр.).

Это очевидно запахло угрозой высылки или арестом. 3 января вечером назначено было собрание в епархиальном училище. Являюсь в 6 часов вечера, согласно повестке. Никого нет. Просидел до 7 часов вечера и уехал. В 8 часов вечера звонят ко мне по телефону о. Капралов, потом преосвященный Никодим и просят приехать. В перерыве заседания обращаюсь к директору религиозных споров Рафальскому: «Что означает присланная мне от Генерального секретариата Украины бумага?» — «Это по просьбе Алексия». — «Скоро будете высыпать?» — «Да нет. Не обращайте внимания». — «Я так и думаю поступить». Я говорил как раз обратное.

4 января собрался у меня весь епископат вместе с прибывшим митрополитом Харьковским Антонием, которого мы уговорили не ехать в Одессу на выборы тамошнего епископа и поручить это архиепископу Бессарабскому Анастасию. 4, 5 и 6 января вновь состоялись собрания епископов. Я потребовал, чтобы мне был представлен на утверждение Наказ или Устав Поместного собора Всеукраинской православной церкви, выработанный Предсоборной радиою. Из этого устава я увидел желание ограничить права Совещания епископов, именно в Уставе значилось, что достаточно согласия 3 епископов, чтобы постановление Собора считалось действительным. Епископат нашел нужным изменить Устав в этом и других пунктах, о чем составлен был акт, подписанный всеми епископами Украинских епархий. Этот акт приложен к Уставу Собора, утвержденному мною и епископатом, и вместе с Уставом вручен митрополиту Киевскому Владимиру.

7 января последовало открытие Всеукраинского Церковного Собора. С внешней стороны торжество открытия имело сходство с нашим Московским. Не скажу, что порядка при открытии Собора было много. По этому поводу покойный владыка митрополит выразил свое неудовольствие преосвященному Агапиту. В день открытия Собора литургию в Софийском соборе служили все епископы. Слово сказал митрополит Харьковский Антоний. И сказал то, что нужно. На площади говорил свящ. Шараевский⁴¹, и говорил прекрасно с большим подъемом и воодушевлением, но как истый украинец, не мог не говорить «о серебре»⁴², «пеньне»⁴³ и т. п. На Соборе первую речь приветствия сказал владыка митрополит Владимир. Затем говорил я. <Я призвал Собор послужить братству, любви и единению церковному не на Украине только, но и по всей России. Указал на Крещение Руси, когда Киев светом веры Христовой просветил всю Землю Русскую и сделался центром, откуда пошли порядок и устройство всей Церкви Русской и всей Земли Русской>⁴⁴.

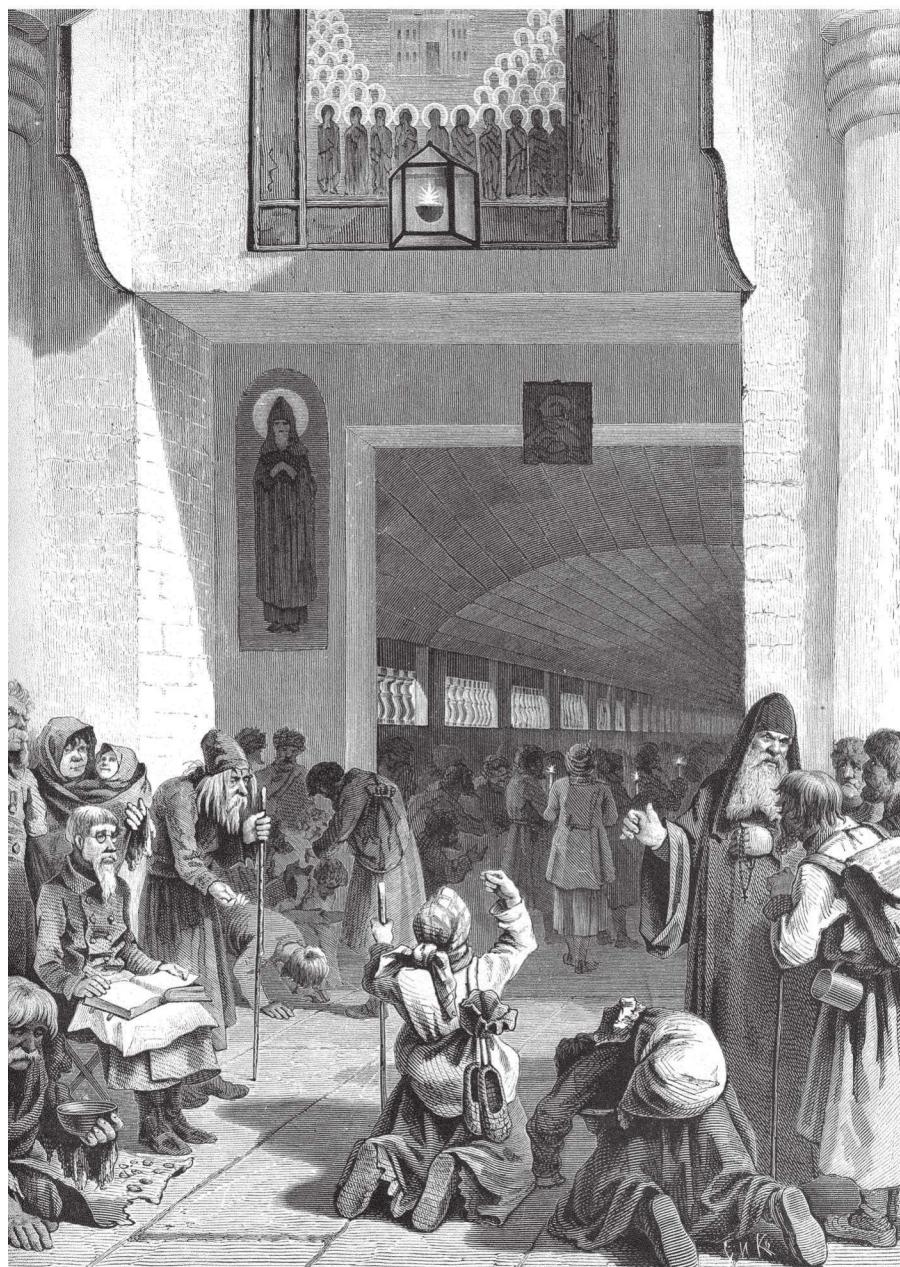
Последовали приветствия от Духовной академии, от Университета, от воячества, почему-то одного Уманского... На другой день состоялись выборы президи-

⁴¹ Свящ. Нестор Шараевский сначала примыкал к русским националистам, а в 1917 году переквалифицировался в украинские националисты. В 1921 году Нестор Шираевский стал одним из первых «самосвятских» архиереев. Свое название эта церковная группировка получила потому, что первую архиерейскую хиротонию совершили не архиереи, как это положено по канонам, а группа священников и мирян, возложившая руки на голову ставленника.

⁴² «серебро» (укр.)

⁴³ По всей видимости, это полонизм «riępiędzy» — «денеги».

⁴⁴ Речь митрополита Платона в рукописи отсутствует. На полях имеется приписка: «Я сказал следующую речь. Поместить речь от А до Б (см. следующую страницу)». Однако страница с текстом речи отсутствует. Помещенный в угловых скобках текст печатается по изданию: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. Том 8. М., 1999. С. 27. В данном случае черновик, текст которого воспроизводит цитируемое издание, позволяет восполнить лакуну.

№ 1
2007

ума. Я должен сказать, что еще до Собора мы заметили, как нарастает новое настроение, назревает некоторый поворот. В день открытия я вышел из соборной залы. Подходит ко мне Масюкевич. «Простите, я вас обидел, называл украинофобом». Поговорили немногою. Стали ко мне обращаться за советами, приходили визитеры. Слава Богу. Я стал надеяться, что все повернется к лучшему. При выборах кандидатов в председатели митрополит Антоний получил свыше 100 голосов — не помню точно сколько, епископ Пимен — 11. Избрали Пимена⁴⁵. Все были удивлены. Президиум выбирали очень долго и составили очень громоздкий, ввели представителей от дьяконов, от воячества, более чем полагается по Уставу Собора. Очень скоро и ясно сказалась спешность созыва Собора. Выборы были прямые, одноактные и на Собор прошли даже и неграмотные. Общий облик Собора симпатичный: много добродушия, малороссийского юмора, уменья петь: «Ще не вмерла Украина»... «Заповіт»⁴⁶. Работа, впрочем, стала налаживаться. У многих обнаружилось искреннее желание поработать на пользу Церкви. Один священник говорил мне: «Владыко, хотя бы нам определить положение духовно-учебных заведений». — «А автокефалия как же?» — «Бог с нею с автокефалиею». Я посоветовал ему обратиться к Правительству. Пусть Грушевский⁴⁷ скажет: даст ли Украинская рада жалованье духовенству и обеспечит ли она содержанием духовно-учебные заведения? Я слышал, будто бы действительно посыпали к Грушевскому спрятаться по этому делу. Он сказал, что не может дать ответа, т. е. другими словами прикровенно отказал. Это подействовало много отрезвляющее на членов Собора. Они увидели, что с ними шутки шутят, что денег нет, что Собор израсходует все средства, какие имеются, и ни духовенству, ни на духовно-учебные заведения ничего не останется. Некоторые уповательно смотрели на митрополитанские дома, которые построил митрополит Флавиан, но оказалось, что доходы с домов отсылаются в домовые комитеты и что материальное положение этих домов совсем не так цветуще, как оно рисовалось лицам, мечтающим о благе Украинской церкви. Затем началась борьба с большевизмом и Собор оказался вынужденным разъехаться. Последнее заседание Собора состоялось 18 января, и мы с преосвященным Агапитом ехали с этого заседания под выстрелами⁴⁸. 21 января я служил в Софийском соборе. Протодиакон после облачения спрашивал меня: «Что, владыко, поминать Собор?» — «Почему Вы спрашиваете?» — «В пятницу Собор уже распустили». Собор распустили до 10 мая, и еще большой вопрос, в состоянии ли он будет собраться. Если жизнь в Украине наладится, возобновление деятельности Собора желательно; при иных условиях созыв его придется отсрочить. Епископат Украинских епархий присту-

⁴⁵ Голосование состояло из двух туров, и епископ Пимен победил во втором туре. На второй сессии Собор избрал митрополита Антония на митрополичью кафедру.

⁴⁶ «Завещание» — стихотворение Т. Г. Шевченко.

⁴⁷ М. С. Грушевский (1866—1934) был председателем Центральной рады.

⁴⁸ 23 января 1918 года к Киеву подошли части Красной армии. Вступление большевиков в Киев привело к прекращению заседаний первой сессии Всеукраинского собора. Закрытие Собора вполне устраивало противников автокефалии. Митрополит Вениамин (Федченков) впоследствии вспоминал: «Смешно сейчас и писать об этом. Но в истории трагическое нередко переплетается с комическим. И вдруг вижу: по улицам идут, хотя и не очень стройно, но смело и весело, большевики. И страшно, и отрадно!.. После неистовства “широких” они нам оказались избавителями. Недаром даже враг их, митрополит Антоний, за чаем среди архиереев и архимандритов при мне обмолвился крылатой фразой:

— Совсем была бы беда, да вот, слава Богу, большевички выручили!

Так и сказал: “большевички”, а не большевики» (*Митрополит Вениамин (Федченков)*).

На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 298).

пил к обсуждению вопроса, и сегодня обсуждение его продолжится. Собор избрал из своей среды Раду, которая должна собраться за две недели до открытия Собора и обсудить главным образом вопрос о средствах содержания Собора.

Вопрос об автокефалии на этот раз не прошел. Но в случае, если Украина получит самостоятельность, станет самостийной, несомненно поднимется вопрос об автокефалии Украинской церкви. В народе стремление к автокефалии не имеет почвы, но руководители политических партий будут всеусерднейше его поддерживать. Я проверял мандаты, полученные членами Собора от избравших их съездов, и оказалось, что против автокефалии Харьковский, Херсонский, Волынский и все другие съезды. Особенно решительно высказались против автокефалии приходские советы. И вот члены Собора при голосовании⁴⁹ 150 голосов высказались против автокефалии и только 40 за автокефалию. Факт этот остается фактом, но все-таки это еще не решение этого вопроса. Решаться он еще будет.

Предисловие и публикация Александра Кравецкого.

---

⁴⁹ Вопрос об автокефалии на Всеукраинском Соборе не обсуждался, поэтому неясно, какое голосование имеет в виду митрополит Платон. Возможно, имеется в виду голосование по предложению группы членов Собора не прекращать заседаний до решения вопросов о структуре Церковной Рады, об автокефалии и о положении духовных школ. Собор не поддержал это предложение, однако результаты этого голосования несколько отличались от тех, которые привел митрополит Платон. За роспуск Собора проголосовало 94 человека, а против — 42 (Ульяновский В. Указ. соч. С. 165).